

**ЦЕРКОВЬ И ДУХОВЕНСТВО В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

Статья посвящена изучению эволюции общественного сознания российского крестьянства в период первого революционного кризиса в Российской империи. Дается анализ следующих аспектов проблемы: уклонение крестьян от исполнения религиозных обрядов,

выступления против духовенства, требование церковной реформы, сохранение религиозных представлений.

Ключевые слова: церковь, духовенство, крестьянство, религиозные представления.

M. Sadyrova

**CHURCH AND CLERGY IN THE PERCEPTIONS
OF RUSSIAN PEASANTRY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MIDDLE VOLGA REGION)**

The evolution of public consciousness of Russian peasantry during the period of the first revolutionary crisis in the Russian Empire is described. An analysis of the following aspects is given: the peasants' avoidance of exercising religious rites, opposition to the clergy, the demands of church reforms, the preservation of the religious notions.

Keywords: church, clergy, peasantry, religious notions.

На рубеже XIX–XX вв. ускорился распад патриархального быта деревни, под угрозой исчезновения оказались и религиозные представления крестьянства, в которых причудливым образом сочетались остатки языческих верований и христианство. Наиболее ярким проявлением секуляризации крестьянского сознания в это время можно считать уклонение крестьян от исполнения Святых Тайн (в первую очередь, исповеди и причастия). Несоблюдение верующими православных обрядов является свидетельством религиозной индифферентности крестьян, так как в православии обряд – самое главное для верующих. По общероссийским данным, удельный вес прихожан, не исполнявших Святых Тайн «по нерадению», в середине XIX столетия составлял 8–10% [13, с. 18]. Причём за десять лет (1842–1852 гг.) изменения составили 1,4%. Следовательно, можно предположить, что к концу столетия данный показатель возрастёт минимум до 17,5%. В частности, в отчётах по Пензенской епархии за 1877 г. нами зафиксировано указание на охотное и регулярное принятие Святых Таинств в 57,7% случаев. Так, по свидетельству приходского священника, в селе Николаевка Пензенского уезда многие крестьяне приходили к исповеди по два-три раза в год, а таких, которые не исповедовались бы «по

нерадению» не было вовсе. Однако подобное единодушие трудно назвать характерным для всех приходов. По меньшей мере, в трёх сёлах Городищенского уезда священники отмечали нарастание тревожных тенденций: «Многие из молодёжи не исповедуются» (с. Канаевка); «...только старики и старухи ходят в храм, а 6–15 лет совсем не ходят, дескать, ещё успеют намолиться» (из 854 жителей с. Архангельское-Куракино в этом году пришли на исповедь лишь 88); «Страшное нерадение в исполнении Св. Таинств» (в с. Верхний Шкафт не было на исповеди «по опущению» 862 человека, в том числе и «около сотни раскольников»; исповедовался и причастился только 321 человек) [4].

Падение церковного авторитета в начале XX в. объяснялось прежде всего тем, что церковная жизнь отделилась от общинной. В «благополучном» прошлом всеми делами прихода руководило старшее население села, так называемые «старики». Они издавали свои правила и требовали неукоснительного подчинения этим правилам всех членов прихода и общины. В изменившемся настоящем мирские доходы приходских церквей перестали контролироваться общинными институтами, да и последние, в свою очередь, оказались под жёсткой опекой усложнившегося государственного управления. Таким обра-

зом, церковь постепенно утрачивала свои позиции средоточия общественной жизни и всё больше превращалась в государственный институт [17, с. 486–487].

Огромное значение для отхода от церкви и её обрядов имели отхожие промыслы, работа на фабриках и заводах. В городах крестьяне знакомились с новыми веяниями. Возвратившись домой, они с меньшим усердием посещали храм, не соблюдали постов и т. п. [11, с. 20–21]. Другая важная причина заключалась в небывалом расширении деятельности леворадикальных партий. В частности, в одном из своих отчётов царю обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал: «В православно-русском народе пробудилась пытливость. Новые лжеучения в современном безбожном и противоцерковном духе стремятся сбить православно-русский народ с истинного его пути. Особенно этому содействует распространение в народе разных книг, проповедующих неверие и социализм» [15, с. 133]. Об успехе социалистической пропаганды свидетельствуют рапорты уездных исправников 1902–1903 гг. в канцелярию пензенского губернатора: «Появление прокламаций и брошюр произвело... сильное впечатление... К этому присоединилось ещё недовольство и враждебное отношение к местному духовенству... за усиленные поборы за требоисправление и притеснения по совершению браков и т. п. ... Вследствие этого духовенство потеряло своё влияние на прихожан» [1, л. 8]. В рапортах также сообщается, что вследствие распространения запрещённых книг совершались поджоги и грабежи домов приходских священников [2, л. 1; 3, л. 20].

Церковь не только «держала руку» государства, она оказалась зачисленной в стан врагов ещё и как землевладелец. По описи 1905 г. в Российской империи церкви принадлежало 1 871 858 десятин земли (1,5% общей площади), 739 777 десятинами земли владели монастыри (0,2% общей площади), а в личной собственности духовенства на-

ходилось ещё 327 206 десятин [17, с. 496]. В результате крестьяне требовали передать им церковно-монастырскую землю. По данным С. М. Дубровского, за период 1905–1907 гг. в России произошло 33 антицерковных выступления крестьянства, или 0,5% от общего их числа [9, с. 64]. А вместе с тем Л. И. Емелях отмечает массовый характер крестьянских требований конфискации земельной собственности у монастырей и церквей. По данным исследователя, такие требования зафиксированы более чем в 350 приговорах, направляемых в Государственную Думу и в другие правительственные учреждения [10, с. 19].

На фоне роста погромных настроений в средневожской деревне церковные земли лишались иммунитета, который, казалось, обеспечивался религиозным чувством крестьянства, и поступали в общий передел [17, с. 497]. Яркая картина такого явления в деревне дана крестьянином с. Сологда Александровской волости Саратовской губернии: «Под влиянием матросов переизбрали комитет. Беднота настаивала отобрать земли у крестьян-богачей, у духовенства и церквей. Поп... начал говорить, что отнять землю... нельзя, раз сама власть разрешила пользоваться духовенству и церкви землёй. Большинство крестьян заявило, что нечего слушать попа, а землю его порешили отобрать. Поп их стал проклинать и застрашивать адом и грехом, но этим ещё хуже усилил злобу против богачей и духовенства. Крестьяне хотели его уничтожить, но он улизнул. Землю отобрали» [8, с. 169]. В августе–сентябре 1905 г. подобные случаи произошли в Бугурусланском и Бузулукском уездах Самарской губернии [10, с. 134]. В это же время крестьяне с. Терновки Пензенской губернии захватили рыбные ловли Пензенского женского монастыря, заявив, что они не признают прав монастыря на эти угодья. Игуменья начала судебную тяжбу против крестьян [12, с. 113]. Крестьяне с. Тюнярь Городищенского уезда той же губернии 7 июля 1905 г. захва-

тили 33 десятины пашни церковного причта. На сходе они заявили священнику: «Вся земля, которой пользуется причт, принадлежит нам, крестьянам». Епископ сообщил губернатору, что крестьяне отобрали у причта и приусадебную землю [17, с. 497].

Все указанные виды выступлений вплелись в общий контекст крестьянской борьбы за землю. Однако крестьянское антиклерикальное движение имело и свои собственные, только ему присущие формы. Так, в отчёте о состоянии Тамбовской епархии за 1906 г. сообщалось, что «добродотные даяния деньгами и ругою от прихожан сократились и уменьшились против обычного почти наполовину, а в некоторых местах и более» [10, с. 135]. В 1905 г. в с. Пронькино Бузулукского уезда Самарской губернии прихожане составили приговор о взимании причтами платы за требоисправления «в таком низком размере, что причту не представлялось бы возможным содержаться на эти средства» [10, с. 138]. Составителям приговора сельского схода с. Старого Тукшума Сенгилеевского уезда Симбирской губернии от 29 ноября 1905 г. церковная реформа представлялась как «уничтожение платы за требы и таинства и постановка священнослужителям жалования, также удаления несправедливого священника сходом» [14, с. 56]. Необходимо отметить, что, по подсчётам О. А. Суховой, требования перевода духовенства на жалование указаны в 6 из 81 приговора, в то время как высказывания об отчуждении земли – в 66 [17, с. 501].

В более поздний период требование церковной реформы облекается в лаконичную форму, а не заимствованную из программ политических партий, свойственную представлениям родового сознания. Так, в марте 1907 г. крестьяне Новоселковского прихода Буинского уезда Симбирской губернии зафиксировали в своём наказе требование «отделить церковь от государства» [14, с. 167].

Отношения между общиной и приходскими священниками в революции 1905 –

1907 гг. складывались, таким образом, весьма напряжённо. Родовое сознание распознавало знаковое содержание любого социального института, следуя архаичной программе: «кто не с нами, тот против нас» [17, с. 491]. Как писал в церковной летописи священник Сызранского уезда Симбирской губернии в 1906 году, «почти вся периодическая печать клеветает на духовенство, будто бы простой народ совершенно уже недоволен духовенством, и духовенство сельское живёт обособленно жизнью от народа» [6, л. 30]. В селе Ильмино Городищенского уезда Пензенской губернии крестьяне чуть не убили священника Кургаева за то, что тот донёс полиции на участников крестьянских выступлений. «Он за царя стоит и за его незаконное правительство, – кричали крестьяне, – защищает начальников и господ-кровопийцев». Священнику удалось бежать, но дом его был сожжён [16, с. 220 – 221]. Крестьяне села Нагаткино Симбирского уезда Симбирской губернии, «выведенные из терпения поборами, нахальством, издевательством и грубостью попа», сожгли «весь поповский хлеб и дом. Озлобление было так велико, что имущество, которое вытаскивали из огня, бабы и девки бросали обратно в огонь» [14, с. 37–38]. Епископ Саратовский и Царицынский Гермоген полагал, что даже многие из тех крестьян, которые с уважением относятся к духовенству, едва ли искренни: «...во многих приходах встречаются и такие, которые оказывают почтение и уважение своему духовенству только по наружности, а в душе своей... имеют к нему нерасположенность и даже затаённую вражду» [10, с. 131].

Протест против церкви в период революции проявился в неуважительном отношении к церковной утвари, к церковным обрядам, в ограблении церквей, монастырей и т. п. Так, в Ольховской волости Царицынского уезда Саратовской губернии крестьяне, как сообщал жандармский полковник, вынесли на сходе решение о закры-

тии церквей: «Церкви не нужны, их следует обращать на другие полезные учреждения – школы, больницы» [8, с. 146]. В 1905 г. в селе Новодевичьем Симбирской губернии крестьяне устроили демонстрацию, во время которой «выкрикивали антицерковные лозунги» [10, с. 115]. В епархиальном отчёте епископ пензенский и саранский Митрофан писал: «По отзывам благочинных, долг святых тайн христовых – причащения был выполнен православными не в том числе, как в предшествовавшие годы: из среды молодёжи, не исполнивших этого святого долга, оказалось несколькими сотнями более, чем бывало раньше» [10, с. 129]. Епископ Тамбовский и Шацкий Иннокентий сообщал в своём отчёте о том, что «молодёжь не связывает себя никакими обрядами... нерадива к главным христианским обязанностям... На вечерних и ночных собраниях молодёжи появляются революционные песни, осуждаются и осмеиваются все гражданские и религиозные установления, проповедуется к власти гражданской и духовной пренебрежение» [10, с. 155]. Бедственное положение крестьян также способствовало отходу от церкви. В частности, в церковной летописи священник Сызранского уезда Симбирской губернии отмечал в 1908 г.: «Неурожайные годы и пожары очень печально отразились на религиозной жизни крестьян; именно, не имея лишней копейки, крестьянин и в храм не ходит, и молебнов не служит, и умерших родственников забыл, не служит о них божественных литургий, а оттого церковь страдает в материальном отношении, не говоря уже о скудном содержании причта» [5, л. 16].

Таким образом, в начале XX века Русская православная церковь столкнулась с серьёзной угрозой роста антиклерикальных настроений.

И всё же, воюя с духовенством, крестьяне сохраняли искреннюю веру в «божий промысел», с которым соизмеряли и в котором искали оправдания своим требовани-

ям. Идеи всеобщего равенства и ликвидации частной собственности на землю в крестьянских приговорах интерпретировались нередко как угодные богу, а значит, узаконенные в последней инстанции. В приговоре сельского схода крестьян с. Вырыпаевки Карсунского уезда Симбирской губернии, составленного в декабре 1905 г., подчёркивалось: «Всех людей создал бог по образу и подобию своему, зачем же одного человека возвеличивать, а другого унижать». Здесь же читаем: «люди все божьи и земля божья, зачем же у нас так ведётся, что у одного человека бывает земли больше, чем в другом месте у 1000 человек. Нехорошо это, не по-божески» [14, с. 72–73]. Крестьяне села Владимирское Самарского уезда Самарской губернии писали в приговоре в июне 1906 г.: «Нам кажется, что нужно изменить земельный порядок теперь же и так, чтобы земля была доступна всем, кто желает работать сам и совсем бы была отобрана от того, кто наймом обрабатывает или же сдаёт землю в аренду. Земля – дар божий, а не создание рук человеческих, и потому она вся должна принадлежать всему народу и не составлять собственности небольшого числа лиц» [13, с. 70].

Широкое распространение в селениях Саратовской губернии в 1905 г. получили приговоры следующего содержания: «...Бог творил нас равными. Земля-то вся Божья, никто поэтому не может сказать, что это, мол, моя земля, так как люди все дети одного Бога, значит, и земля принадлежит всем, всех общая. Бог сказал: „Живи трудом рук своих“, и мы хотим жить по-божески...» [7, л. 286].

Следует отметить, что даже находясь в условиях глубокого кризиса, церковь сохраняла большую притягательную силу. Играли свою роль темнота и забитость народных масс, сказывалась историческая традиция. Православная церковь была «привычной». И поэтому отход от церкви совершался так медленно и сложно, не всегда осознанно и чаще всего неоформленно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7333.
2. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7421.
3. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7589.
4. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2256.
5. ГАПО. Ф. 368. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАПО. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1.
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 1. Д. 243. Т. III.
8. Грекулов Е. Ф. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1969. 174 с.
9. Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 168 с.
10. Емелях Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л.: Наука, 1965. 203 с.
11. Емелях Л. И. Исторические предпосылки преодоления религии в советской деревне (Секуляризация деревни накануне Великого Октября) // Актуальные проблемы истории религии и атеизма: Сборник научных трудов. Л.: Министерство культуры РСФСР, 1975. Вып. 1. 152 с.
12. Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. М.: Наука, 1984. 220 с.
13. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 237 с.
14. Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905–1907 годов: Документы и материалы. Ульяновск: «Ульяновская правда», 1955. 261 с.
15. Победоносцев К. П. Россия. Синод. Обер-прокурор. Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 гг. СПб.: Синодальная типография, 1909. 149 с.
16. Религия и церковь в истории России / Под ред. А. М. Сахарова. М.: Мысль, 1975. 251 с.
17. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX–начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008. 679 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti (GAPO). F. 5. Op. 1. D. 7333.
2. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7421.
3. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7589.
4. GAPO. F. 182. Op. 1. D. 2256.
5. GAPO. F. 368. Op. 1. D. 6.
6. GAPO. F. 487. Op. 1. D. 1.
7. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (GASO). F. 53. Op. 1. D. 243. T. III.
8. Grekulov E. F. Cerkov', samoderzhavie, narod (2-ja polovina XIX – nachalo XX v.). M.: Nauka, 1969. 174 s.
9. Dubrovskij S. M. Krest'janskoe dvizhenie v revoljucii 1905–1907 gg. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 168 s.
10. Emeljah L. I. Antiklerikal'noe dvizhenie krest'jan v period pervoj russkoj revoljucii. M.; L.: Nauka, 1965. 203 s.
11. Emeljah L. I. Istoricheskie predposylki preodolenija religii v sovetskoj derevne (Sekularizacija derevni nakanune Velikogo Oktjabrja) // Aktual'nye problemy istorii religii i ateizma. Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 1. L.: Ministerstvo kul'tury RSFSR, 1975. 152 s.
12. Zyrjanov P. N. Pravoslavnaja cerkov' v bor'be s revoljuciej 1905–1907 gg. M.: Nauka, 1984. 220 s.
13. Kabytov P. S., Kozlov V. A., Litvak B. G. Russkoe krest'janstvo: etapy duhovnogo osvobozhdenija. M.: Mysl', 1988. 237 s.

Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности...

---

14. Krest'janskoe dvizhenie v Simbirskoj gubernii v period revoljucii 1905 – 1907 godov. Dokumenty i materialy. Ul'janovsk: «Ul'janovskaja pravda», 1955. 261 s.

15. *Pobedonoscev K. P.* Rossiya. Sinod. Ober-prokuror. Vsepoddannejšij otchjot ober-prokurora sv. Sinoda po vedomstvu pravoslavnogo ispovedanija za 1903 – 1904 gg. SPb.: Sinodal'naja tipografija, 1909. 149 s.

16. Religija i cerkov' v istorii Rossii / Pod red. A. M. Saharova. M.: Mysl', 1975. 251 s.

17. *Suhova O. A.* Desjat' mifov krest'janskogo soznanija: Očerki istorii social'noj psihologii i mentaliteta russkogo krest'janstva (konec XIX – nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzh'ja. M.: ROSSPJEN, 2008. 679 s.